

Научная статья

УДК 32

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-3-193-203

ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЛИКТОВ И ГИПОТЕЗЫ ИХ БУДУЩЕГО РАЗВИТИЯ: ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Андрей Андреевич Ковалев

Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Санкт-Петербург, Россия, kovalev-aa@ranepa.ru

Аннотация. Целью статьи является стремление выявить возможные причины будущих международных конфликтов и проанализировать способы их протекания с политологической точки зрения. Работа основана на применении политического анализа и прогнозирования, которые позволили рассмотреть различные аспекты вероятных будущих международных конфликтов с тем, чтобы повысить эффективность управление ими. Современные международные конфликты видоизменились. На основании чего в статье была предпринята попытка систематизировать условия и причины их возникновения. Также были рассмотрены основные очаги напряженности в мире, сгруппированные по территориальному признаку, дополненному рядом второстепенных условий. Автор приходит к выводу, что спрогнозировать международные конфликты будущего и управлять ими можно на основании выдвижения ряда гипотез их развития, которые будут преобладать в ближайшее время.

Ключевые слова: международный конфликт, конфликтогенность, напряженность, социально-политические последствия, управление конфликтом

Для цитирования: Ковалев А. А. Причины возникновения международных конфликтов и гипотезы их будущего развития: политологический аспект // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 3. С. 193–203. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-193-203>

Politology and Ethnopolitics

Original article

CAUSES OF INTERNATIONAL CONFLICTS AND HYPOTHESES OF THEIR FUTURE DEVELOPMENT: POLITICAL SCIENCE ASPECT

Andrej Andreevich Kovalev

North-West Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, St. Petersburg, Russia

¹kovalev-aa@ranepa.ru

Abstract. The aim of the article is to identify possible causes of future international conflicts and analyze the ways of their occurrence from a political point of view. The work is based on the application of political analysis and forecasting, which allowed us to consider various aspects of likely future international conflicts in order to improve their management. Modern international conflicts have changed. On the basis of which the article attempted to systematize the conditions and causes of their occurrence. The main hotbeds of tension in the world were also considered, grouped on a territorial basis, supplemented by a number of secondary conditions. The author comes to the conclusion that international conflicts of the future can be predicted and managed on the basis of a number of hypotheses of their development, which will prevail in the near future.

Keywords: international conflict, conflictogenicity, tension, socio-political consequences, conflict management

For citation: Kovalev A. A. Causes of international conflicts and hypotheses of their future development: political science aspect. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2022;(3):193–203.* (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-193-203>

Введение

Ученые и политики-практики, понимая необходимость предотвращения глобальных конфликтов, тем не менее, пытаются предсказать возможные причины и ход будущих международных конфликтов. Исследуя данную проблематику, стоит отдельно рассмотреть возможность некоего перспективного подхода к изучению современных тенденций развития международных конфликтов.

Нынешний мир конфликтов демонстрирует огромное разнообразие, несравнимое с некоей простотой той общей «карты конфликтов», которая была составлена теоретиками и политиками-практиками после окончания холодной войны, ознаменовавшей создание однополярного мира. Именно попытка США как самопровозглашенного лидера западной цивилизации навязать свои экономические и политические интересы и породила современное противостояние цивилизаций, угрожающее перерасти в глобальный военный конфликт.

В XXI веке мировое сообщество не должно допустить развязывания новой мировой войны. Противоборствующие империи больше не разделяют планету, пространство международного права расширилось, традиционные проблемы географического контроля над территориями кажутся – пусть на время – но все же локализованными. Но мир не может быть описан как движущийся всецело к «деконфликтуализации», как постепенно объединяющийся вокруг общих ценностей, которые будут сдерживать его агрессивность.

Цель настоящего исследования – выявить возможные причины будущих международных конфликтов и проанализировать способы их протекания, опираясь на политологический аспект.

Работа основана на применении политического анализа и прогнозирования, которые позволили рассмотреть различные аспекты вероятных будущих международных конфликтов с тем, чтобы повысить эффективность управления ими.

Условия возникновения международных конфликтов современности

Современные войны пересекаются друг с другом множеством конфликтов, которые трудно классифицировать. Возникает образ многолетнего, диффузного и циркулирующего насилия. Такова сложная геостратегическая реальность. В условиях этой реальности в международной системе конфликтов доминируют три возможных условия, в которых возникают различные конфликты.

Первое условие связано с диалектическим противоречием между открытостью современного мира, в котором постепенно стираются границы, и стремлением многих стран сохранить национально-государственное своеобразие, что в крайних формах приводит к социокультурной изоляции.

В начале XXI столетия процесс глобализации сопровождается невиданной ранее революцией в области коммуникаций, которая развивается в течение последних четырех десятилетий и находит свое отражение в круговороте людей, товаров, идей и капитала. Родается мир открытых или «приоткрытых» границ.

С другой стороны, процессы экономического обособления и ярко выраженное стремление сохранить свой национально-культурный колорит так же легко идентифицируемы и распространены в значительной мере. Национальное государство признается суверенным, но в повседневной жизни всячески подчеркивается транснациональная необходимость.

В данном случае вступает в противоречие стремление государства к защите своего суверенитета и отсутствие полной независимости в международных отношениях (или даже во внутригосударственных делах). Суверенитет – это политико-правовое свойство государственной власти, определяющее ее верховенство. Это верховенство выражается в полноте и неделимости власти внутри территории страны; в исключительном праве на установление правовых норм, регулирующих всю систему общественных отношений; в определении правового статуса органов государственной власти и местного самоуправления; в применении насилия; в определении прав и свобод граждан [1, с. 45]. В данном определении не упоминается самостоятельность во внешней политике, и это справедливо, так как в современном мироустройстве ни одно государство не может проводить полностью автономную и независимую политику, не опираясь на ожидания других международных игроков.

Россия уже много лет последовательно пытается объяснить мировому сообществу свои стремления, опасения и намерения, порожденные действиями ряда государств. И когда после многочисленных неудачных попыток сделать это Россия начала отстаивать свои национальные интересы по сохранению своего суверенитета и независимости последним из возможных аргументов (силовым), она испытала на себе все последствия от несогласия лидера мирового порядка, которым они сами себя нарекли, – США. Соединенные Штаты, которые дирижируют современным мировым порядком, прямо отмечают, что защита государством своих национальных интересов приравнивается к нарушению мирового порядка, за которое последует наказание¹. И масштаб этого наказания уже на себе ощутила Россия.

По сути, современный мировой порядок – это безоговорочный космополитизм, который постулирует, что «политические институты, неподконтрольные национальным сообществам, могут влиять на сообщества, не будучи перед ними подотчетны» [2, с. 26]. И 2022 год на примере России показал, насколько справедливо это утверждение.

Вторым определяющим условием для современной глобальной системы конфликтов является постоянное изменение форм и методов государственной власти. Это происходит, в первую очередь, из-за глобального изменения баланса сил, приближающего конец западного господства. Развитие КНР может уже теперь поставить под сомнение многовековое превосходство Запада. На международной арене и в геополитическом пространстве возникает новая иерархия сил. Происходит это, в первую очередь, вследствие утверждения экономической мощи стран восточных цивилизаций.

Если раньше США считали себя центром однополярного мира, возникшего после распада СССР и биполярной системы международных отношений, то в последние несколько лет эта тенденция заметно изменилась. Так, баланс сил в мире меняется по линии американо-китайских [3], американо-российских отношений [4], также на новый уровень выходят российско-китайские отношения в свете последних событий, связанных с экономической войной Запада против России и тех, кто принимает ее сторону.

Третьим условием является то обстоятельство, что современные конфликты в международной сфере становятся все менее «случайными», ибо они происходят вследствие так и не решенных, хотя и «загнанных внутрь» проблем внутренней и внешней политики.

В разной степени и по разным причинам ведущие мировые игроки – Китай, Соединенные Штаты и Европа – находятся в процессе полного пересмотра своей международно-политической позиции и своей роли в мире. Китай – потому, что возможность компромиссов между его внутренней, региональной и глобальной политикой еще не ясна, несмотря на все более заметное стремление к увеличению собственного международно-политического влияния. США – потому, что «опорный пункт», определенный Бараком Обамой, недостаточен для создания четкой внешнеполитической стратегии, а метания Дональда Трампа, обещавшего наладить отношения с Россией, но так и не сумевшего этого сделать из-за противодействия Конгресса, лишь усугубили нерешенные ранее международно-политические проблемы, стоящие перед Вашингтоном. А продолженный Дж. Байденом курс на сохранение американской глобальной гегемонии [5] был гиперболизирован на антироссийской и антикитайской основе [6], что в итоге пошатнуло сформированный миропорядок и привело к беспрецедентной нестабильности во всем мире во всех областях.

Наконец, Европейский Союз никогда не казался столь далеким от гармонии, как сегодня. Граждане Германии и Франции как стран-локомотивов ЕС отказываются придерживаться политики поддержки экономически слабых европейских государств как на не соответствующую собственным национальным интересам. Малые государства – особенно бывшие прибалтийские республики СССР – требуют все больших влияний и военную защиту от мифической русской угрозы. В целом, европейцы демонстрируют растущее несогласие с тем, какой может быть их новая роль в мире, где американское руководство постепенно меняет свое к ним отношение.

Эта марионеточная роль в полной мере проявилась в период проведения спецоперации России на Украине в 2022 г. Антироссийские санкции вполне согласованны (за исключением

¹ США пообещали ответить нарушителям мирового экономического порядка // Lenta.ru [сайт]. 19.07.2022. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2022/07/19/poryadok/> (дата обращения 19.07.2022).

одиночных здравых голосов несогласных в самой Европе или в США), однако Европа в итоге получила от них все те же свои проблемы, но в стадии обострения: наплыв украинских беженцев, энергетический кризис, перспектива вступления в ряды ЕС Украины, помощь богатых стран из ЕС бедным странам (и она уже не просится, а требуется).

Региональные очаги напряженности и вероятные причины возникновения международных конфликтов

В современном мире конфликты распределяются неравномерно, но даже поверхностный географический обзор позволяет выявить несколько их очагов.

Первым очагом международных конфликтов является географически очень большая область. Она простирается от Центральной Азии до Африки. Кризисы принимают различные формы и степень тяжести – Кавказ, Балканы, Левант, Африка к югу от Сахары.

Основные причины конфликтогенности этого обширного региона – недавно приобретенная независимость (не до конца сформирована государственность, наличие внутрисубъективных, межгосударственных конфликтов в борьбе за власть), межэтнические споры, территориальные притязания, а также споры из-за водно-энергетических ресурсов. К таким комплексным и не решенным конфликтам можно отнести ошский, карабахский, курдский, арабо-израильский конфликты, «арабскую весну», споры между Узбекистаном, Кыргызстаном и Таджикистаном из-за водно-энергетических ресурсов [7] и многие другие.

Особую жестокость приобретают межэтнические конфликты, которые могут перерасти в полноценный геноцид, как это произошло в Руанде в начале 1990-х годов во время гражданской войны между народностями хуту и тутси. Африка справедливо считается одним из самых нестабильных регионов современности.

Второй очаг конфликтов расположен в Восточной Азии, которая в настоящее время включает стабильные государства (Китай, Японию, Южную Корею, страны АСЕАН). Конфликты этого региона имеют исторические корни, связанные с периодом холодной войны (споры вокруг Южных Курил/ «северных территорий», островов Токто/Такэсима и Сэнкаку/Дьяоюйдао), а также с колониальным периодом (конфликты в Южно-Китайском море). В основном все споры в этом регионе связаны с определением принадлежности островов и морских границ [8]. Также значимым в системе современного миропорядка является политика Китая в отношении Тайваня, а также использование последнего как средства давления на КНР со стороны других международных игроков (например, США, которые выразили желание поставлять туда оружие).

Конфликты в Восточной Азии будут продолжаться, так как спорные территории стратегически выгодны с экономической точки зрения, а возможность взять их под контроль будет доказательством и политической состоятельности как в регионе, так и во всем мире. Каждое из государств стремится отстаивать собственные национальные интересы в этих спорах, поэтому использованная и ранее политика выработки системы консультаций и поиска общих подходов к решению фундаментальных региональных проблем должна укрепляться для достижения взаимоприемлемого консенсуса [9, с. 33].

Третий очаг конфликтов находится в так называемой неопределенной Южной Азии. Неопределенной как из-за постоянной афгано-пакистанской жары, так и из-за существующей неясности будущего Индии, которая, вероятно, скоро станет ведущей демографической силой в мире. Этот регион также может стать проводником нового этапа опасной по своим последствиям идеологической и политической исламизации. В Коране говорится: «И сражайтесь с ними, пока не будет больше искушения, а (вся) религия будет принадлежать Аллаху. А если они удержатся, то нет вражды, кроме как к несправедным!» (2:193) [10]. Эти слова звучат отнюдь не оптимистично в свете надежд на возможное мирное и бесконфликтное будущее.

Ключевыми очагами нестабильности в Южной Азии выступают: 1) территория бывшего кашмирского княжества; 2) индо-бангладешская граница; 3) приграничная область вдоль линии Дюранда [11, с. 167]. Данные конфликты периодически то обостряются, то затухают, поэтому о полном их разрешении даже в долгосрочной перспективе пока говорить не приходится.

Основными факторами, влияющими на обострение и в целом динамику южно-азиатских конфликтов, являются: 1) реальная или субъективная маргинализация определенных социальных групп; 2) наложение идентичностей и государственных границ; 3) действия государства в качестве ответных контрмер на вспыхнувший конфликт; 4) вмешательство внешних сил как внутрирегиональных, так и внерегиональных [12, с. 6].

Четвертый очаг конфликтности находится на Американском континенте, и здесь нет особой перспективы крупных международных конфликтов, но будущее все равно неясно. Необходимо задаться следующими вопросами. Какова мировая роль американской власти, разделенной между ее все еще подавляющими экономическими, военными, технологическими, культурными возможностями и ее стратегическими колебаниями? Какая связь США, Канады и Латинской Америки, лидеры которой полагали, что эти страны могут возникнуть в качестве самостоятельной цивилизационной общности в последние два десятилетия из-за ее относительной геополитической и геоэкономической изоляции, но не преуспели в этом начинании?

На всех этих географических территориях причины и предлоги для конфликтов неисчислимы. Однако можно представить, что в будущих конфликтах будет преобладать четыре доминирующих логики, смысл которых можно свести к следующему.

Во-первых, *все, что связано с личностными потенциями и социальными претензиями*. В данном случае уместно говорить о том, что в конфликт вступают международные принципы «право народов на самоопределение» и «территориальная целостность государства» [13]. Каждое государство стремится к самосохранению, однако ряд территорий, особенно приграничных, могут изъять готовность войти в состав соседнего государства либо приобрести независимость.

Также здесь уместно говорить о цивилизационных разломах и противостоянии цивилизаций, когда под угрозой оказывается существование автономного цивилизационного типа [14, с. 173]. Например, в 2022 году ряд русофобских государств призывали к тому, чтобы уничтожить «русский мир». Хотя, по сути, спецоперация Россия – это и есть обострение давних противоречий, но никак не самостоятельное явление.

Дополнительно можно отметить реакцию национальных государств, особенно традиционных, на политику мультикультурализма, стирания границ, вестернизацию, то есть на глобализацию в целом, последствия которой расцениваются как вызов национальной самобытности [15, с. 61]. Именно ее сохранение становится одной из целей национальной безопасности государства.

Во-вторых, *все, что связано с контролем над политической оппозицией*. Контролируемая извне оппозиция – это всегда фактор повышенной конфликтности, потому что позволяет внешним силам управлять внутренними делами другого государства. Здесь складывается широкое поле для маневров: от учинения препятствий для нормальной работы легитимной власти до создания марионеточного правительства и полного контроля над государством вплоть до его разрушения. Лидером в этом являются США, при этом они никогда не скрывали своего присутствия в местах внезапно вспыхнувшего желания того или иного государства встать на путь демократии и всегда позиционировали себя проводниками этой самой демократии. Однако их истинные цели и намерения всегда были очевидными и лежали на поверхности, в чем США теперь и сами признаются¹.

Важно отметить, что независимость государства возможна только в том случае, если искоренить феномен управляемой оппозиции [16]. В противном случае фактор конфликтности будет только укрепляться.

В-третьих, *все, что касается перераспределения сфер и полномочий власти* в связи с появлением новых экономически развитых держав, которое дает многим странам новые возможности для чисто региональной политической игры. Здесь можно вспомнить об укреплении власти в Китае, ирано-саудовском соперничестве, укреплении самоличной власти в Турции и прочих явлениях современной международно-политической реальности.

Баланс сил в мире постепенно меняется, и если всего несколько десятилетий назад США могли диктовать другим государствам свои условия, то теперь ряд государств перехватили у них инициативу. Некоторые из них диктуют даже самим США. Так, Президента США Дж. Байден активно критикуют за то, что он унижался перед Саудовской Аравией в попытках убедить ее руководство нарастить добычу нефти в рамках антироссийских санкций. Также можно привести в качестве примера КНР, требующую от США не продавать оружие Тайваню и не посещать его территорию без согласования с Пекином; или Турцию, которая ставит ультиматумы

¹ Политический каминг-аут: Почему США сорвали с себя маску и признались в международных преступлениях // Life.ru [сайт]. 18.07.2022. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://life.ru/p/1509442> (дата обращения 19.07.2022).

и выдвигает неудобные требования в рамках вступления Финляндии и Швеции в НАТО в 2022 году, вызывая негодование США.

При этом баланс сил меняется не только в мировых границах, но также и в рамках отдельных регионов планеты. Например, в XXI веке активному переформатированию подлежит баланс сил в Ближневосточном [17], Южно-Тихоокеанском [18], Азиатско-Тихоокеанском регионах [19], в Европе [20] (внутри самой Европы, а также в отношениях с Россией) и в ряде других регионов.

И последнее, *все, что связано с глубинной логикой присвоения природных богатств и контроля над ними*. Так формируется и развивается мировая ресурсная политика, которая не должна приобретать черт стихийности и неуправляемости. Именно поэтому во избежание возникновения конфликтов в данной сфере мировое сообщество должно разрабатывать, внедрять и контролировать механизмы регулирования мировой ресурсной политики [21]. Под особый контроль должны быть взяты методы, с помощью которых международные игроки достигают лидерства в освоении (или присвоении) природных богатств.

Гипотезы развития международных конфликтов

Точно спрогнозировать развитие и динамику тех или иных конфликтов по различным основаниям в будущем невозможно. Однако можно принять и учесть возможные геополитические гипотезы развития конфликтов.

Перечислим некоторые обзорные гипотезы, относящиеся к геополитике или геоэкономике и возможные рамки, в которых будут реализовываться интересы международных субъектов, и, следовательно, возникать возможные конфликты.

Демографический вопрос останется центральным в ближайшие десятилетия. С точки зрения ограниченности природных ресурсов и валового прироста населения, особо проблемной территорией является Африка. Увеличение населения обострит глобальную продовольственную проблему, а также проблему социального управления. Безудержная урбанизация ставит вопрос об управлении городскими комплексами беспрецедентных размеров, а демографический взрыв в Африке обнаруживает недостаточное производство и проблемы в распределении продуктов питания.

Также необходимо отметить рост (нынешний и еще в большей степени предстоящий) массовых перемещений населения, в первую очередь – в Африке. Увеличение миграции с юга на север, несомненно, в той или иной степени неизбежно, и мы знаем, что у Европы есть все шансы оказаться на переднем крае этих миграционных потоков, учитывая ее близость к африканскому континенту.

С 2022 года особую проблему для Европы представляет поток украинских беженцев, который остро стоит на повестке. Кроме беженцев с Украины Европу заполнили мигранты из Африки и Ближнего Востока. Помимо несовершенства механизмов по приему беженцев и базисной нехватки для всех мест для размещения, массовые миграционные потоки в Европу порождают и другие сложности, например, разобщение в вопросах солидарности государств-членов ЕС, а также дискриминацию мигрантов [22, с. 7, 13], что в итоге повышает уровень конфликтогенности и может спровоцировать конфликты в регионе в будущем.

Вторая гипотеза, способствующая формированию будущего конфликтного ландшафта, связана с *гонкой за обладание энергетическими ресурсами и с процессом освоения новых технологий*. С проблемой энергоресурсов неразрывно связан вопрос свободы морских перевозок. Поскольку 85% торгового оборота происходит благодаря морским перевозкам, остановка этого потока будет представлять серьезную угрозу для мировой безопасности¹. Именно поэтому Президент США Дж. Байден после посещения Саудовской Аравии в июле 2022 года заявил, что США не намерены лишаться морских путей для перевозок на Ближнем Востоке и не допустят угроз в этой области от любого государства².

¹ Конференция Организации Объединенных Наций по торговле и развитию // Обзор морского транспорта [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/rmt2016_ru.pdf (дата обращения 08.05.2022).

² США не допустят угрозы судоходству на Ближнем Востоке, заявил Байден // РИА Новости [сайт]. 16.07.2022. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ria.ru/20220716/sudokhodstvo-1802937696.html> (дата обращения 19.07.2022).

Исторически Россия является самой богатой природными ресурсами страной. Поэтому в условиях наращивания гонки за обладание энергетическими ресурсами наше государство будет находиться в конфликтных отношениях со многими международными игроками. Подобное противостояние уже обострилось в отношениях с Европой.

Наконец, проблема доступа к технологическим ресурсам, несомненно, возникнет в ближайшее время. Если контроль над ростом технических знаний является источником богатства и власти, доступ к этим ресурсам рискует стать более контролируемым, насколько это возможно, для субъектов, стремящихся сохранить свое богатство (крупные фирмы) или свою власть (государства). Поэтому вопрос доступа к определенным критически важным технологиям может стать важной проблемой.

Так, в условиях спецоперации и антироссийских санкций Запад взял курс и на технологическое ослабление нашего государства, когда лишил Россию возможности приобретать полупроводники, из-за дефицита которых серьезно пострадает военно-промышленный комплекс в области высоких технологий, IT-сфера, космическая сфера и даже гражданская (когда недоступными для населения станут персональные компьютеры, смартфоны и т.д.). Единственным местом производства полупроводников последнего поколения является Тайвань, который сразу присоединился к антироссийским санкциям.

Развитые государства конкурируют между собой в области технологического совершенствования, особенно в военной сфере. Например, современный Китай стремится вырваться в лидеры в этом направлении [23]. А это новое поле для развития международного конфликта, поскольку США вряд ли захотят уступить пальму первенства. Таким образом, и сама борьба за лидерство в области новейших технологий, и военный потенциал на основе таких достижений (навигационные, информационные и радиоэлектронные технологии, геофизическое оружие и пр. [24, с. 158]) повышают уровень конфликтности в мире.

Третья гипотеза связана с *распространением оружия*. Ядерная проблема все еще остается одной из самых актуальных и нерешенных. Во-первых, потому что основные процессы разоружения в современном мире фактически прекратились. Во-вторых, ситуация с ядерными экспериментами в Северной Корее может привести к общей дестабилизации региона. Потенциальная нестабильность исламского Пакистана несет также значительную опасность. Поэтому проблемы с ядерным оружием еще не скоро сойдут с бегущих строк международных новостей. Распространение баллистического оружия также тщательно контролируется как непосредственно связанное с распространением ядерного оружия.

Что касается периодических попыток регулировать распространение обычных вооружений, то они по большей мере потерпели неудачу в последние десятилетия под влиянием ближневосточных, а затем азиатских событий, а также из-за неконтролируемого обращения стрелкового оружия. Дополнительно здесь также прослеживается проблема запрета размещения космического оружия, подрывающего безопасность всего человечества [25], где локомотивом опять же выступают США и их экспансионистская политика [26].

В гонку вооружений XXI века включается все большее количество государств, желающих заявить о значимости своих национальных интересов на весь мир. По справедливому мнению академика РАН А.Г. Арбатова, «мир сомнамбулически бредет к принципиально новому этапу состояния международной безопасности – жизни в условиях гонки ядерных и иных вооружений безо всяких ограничений, правил и обмена военной информацией» [27, с. 27]. В таких условиях жизнедеятельности человечества опасность возникновения конфликта той или иной степени интенсивности может вообще не иметь сколько-нибудь понятных и объяснимых причин. В таком состоянии «война всех против всех» приобретет качественно новые смыслы и последствия.

Четвертая гипотеза связана с *проблемами здравоохранения*. Процессы глобализации лишь ускоряют и обостряют эти процессы. Конфликтные последствия оцениваются здесь с точки зрения ограничений для гражданского общества, деморализующей и ослабляющей паники, закрытия границ и т.д. (например, политические последствия уже наблюдались в Африке на худшем этапе пандемии СПИДа).

Также глобальные проблемы здравоохранения могут поставить под экономический и политический удар целые государства. Так, в 2022 году Шри-Ланка объявила дефолт по внешнему долгу. Одной из причин такого бедственного положения данного государства стала в том числе и пандемия COVID-19, резко сократившая доход страны, оборвав туристические потоки,

которые и были его основным источником. Также ситуация ухудшилась на фоне антироссийских санкций, в результате которых в стране закончился бензин, практически не осталось еды и медикаментов. Сейчас Шри-Ланка переживает тяжелейший кризис за всю свою историю, в стране начались восстания, столкновения граждан с полицией, поджоги. И протестный потенциал продолжает нарастать.

Проблемы в области здравоохранения напрямую влияют на миграционные потоки населения из неблагополучных регионов в наиболее благополучные, политическую стабильность, уровень прав человека, являются индикатором эффективности/неэффективности управления (национального или международного) [28, с. 145]. Проблемы здравоохранения дестабилизируют внутригосударственную обстановку и повышают конфликтный потенциал, который, в свою очередь, может спровоцировать как внутригосударственные конфликты (например, гражданские войны), так и международные, обостряя обстановку всего региона или выходя на глобальный уровень.

Пятая гипотеза связана с *природными и экологическими катастрофами*. Эти изменения могут оказаться судьбоносными для политических систем, в том числе демократических, в условиях институционального или морального кризиса. Можно вспомнить вызванную цунами аварию в Японии в 2011 г., которая чуть не привела к масштабной экологической катастрофе.

Природные и экологические катастрофы наносят серьезный ущерб в области экономики, человеческих ресурсов, техносфере, в сфере здравоохранения и т.д. Экология прочно сплелась с политикой, образовав симбиоз под названием политэкология [29, с. 176]. При этом повестка дня политэкологии всегда глобальная, так как затрагивает интересы всего человечества. Именно по вине человека наблюдаются и признаки надвигающейся экологической катастрофы, характеризующейся увеличением роста природных катастроф за последнее столетие.

Возникающие конфликты между государствами на политической основе также могут серьезно повлиять на экологию, причина здесь – отсутствие компромисса. Так, в 2022 г. в Европе на фоне газового кризиса, спровоцированного антироссийскими санкциями, уже звучат идеи о замене голубого топлива из России собственной ядерной энергетикой. Такие недальновидные заявления могут вызвать нестабильность внутри государства, в регионе или во всем мире, обостряя и без того напряженную и взрывоопасную обстановку на фоне украинских событий.

Шестая гипотеза связана с непрекращающимся *воздействием на человечество новых технологий*. Доктор философских наук А.М. Кулькин выделял три группы рисков, связанных с развитием новых технологий. Первая группа характеризуется наличием разрушительного потенциала новых технологий, трудно поддающихся контролю. Это и опасные заболевания, и экологические катастрофы, и угроза конфиденциальной информации, и нарушение работы критических в плане жизнеобеспечения блоков, и мн. др. Ко второй группе относятся чисто технические поломки и сбои. В третью группу рисков вошли этические аспекты подобных исследований и их [аспектов] нарушение, которые могут спровоцировать серьезные социальные потрясения (например, из-за отношения к клонированию) [30, с. 180-181].

Также технический прогресс создает так называемый класс ненужных людей, которые не смогли адаптироваться к быстро меняющемуся миру, потеряли работу и сами стали угрозой жизни для человечества [31, с. 114]. Так происходит маргинализация целых социальных слоев, появление которых создает напряжение и нестабильность во всем мире.

Итак, по итогам проведенного исследования было выделено шесть гипотез, согласно которым могут развиваться международные конфликты в будущем. Дальнейшие исследования данного вопроса могут способствовать выделению новых гипотез динамики международных конфликтов.

Список источников

1. Славецкий В. Ю., Сатпаев А. К., Бекешев К. О. Глобализация и суверенитет: некоторые современные аспекты // Наука и реальность. 2021. № 1 (5). С. 45-49.
2. Бекбулатов Д. Р., Лутовина Н. В., Незнамова А. А., Крюквоа Е. М. Суверенитет России: угрозы и вызовы со стороны глобальных корпораций // Закон и власть. 2021. № 1. С. 26-31.
3. Приходько О.В. Меняющийся баланс сил в мире: американо-китайский контекст // США и Канада: экономика, политика, культура. 2020. Т. 50. № 8. С. 30-51.

4. Батюк В.И. Баланс сил между США и РФ //Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 8. С. 63-69.
5. Алхименков М.А. Стратегия администрации Дж. Байдена по сохранению американской глобальной гегемонии // Проблемы национальной стратегии. 2021. № 3 (66). С. 25-41.
6. Блохин К.В. «Крестовый поход» Дж. Байдена против России. Причины и перспективы эскалации американо-российских отношений // Свободная мысль. 2021. № 3 (1687). С. 85-94.
7. Асатрян Э. Межгосударственные конфликты в Центрально-Азиатском регионе // Россия и мусульманский мир. 2017. № 7 (301). С. 26-30.
8. Стрельцов Д. Российский подход к территориальным конфликтам в Восточной Азии // Международная жизнь. 2017. № 9. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1910> (дата обращения 19.07.2022).
9. Райков Ю.А. Территориальные противоречия и безопасность в Восточной Азии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2015. Выпуск XXVIII. № 28. С. 20-34.
10. Коран. Перевод и комментарии И.Ю. Крачковского / Под редакцией В.И. Беляева [Предисловия В.И. Беляева и П.А. Грязневича]. Изд. 2-е. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1986. 727 с.
11. Яковлев А.Ю. Современные конфликты в Южной Азии // Социально-экономические науки и гуманитарные исследования. 2016. № 15. С. 167-171.
12. Баджпай А. Динамика внутригосударственных конфликтов в Южной Азии // Человек. Сообщество. Управление. 2014. № 1. С. 6-17.
13. Тужба Э.Н., Пчегатлук С.К. Право народов на самоопределение (на примере Абхазии) // Общество: политика, экономика, право. 2019. № 8 (73). С. 17-21.
14. Малыгина И.В. Россия на рубежах истории и границах цивилизаций // Ярославский педагогический вестник. 2014. Т. 1. № 1. С. 173-177.
15. Алиева О.Г. Политика мультикультурализма и вызов национальной самобытности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2015. № 2. С. 61-67.
16. Керимов А.Д., Халипова Е.В. О государственном суверенитете и грядущем миропорядке // Российский журнал правовых исследований. 2018. Т. 5. № 1 (14). С. 43-51.
17. Мелконян С.Г. Динамика границ Ближневосточного региона. Переформатирование границ национальных государств // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. 2015. Т. 6. № 4 (21). С. 321-328.
18. Балашов В.В. Ключевые игроки Южно-Тихоокеанского региона в 2010-2020-х гг. // Евразийское Научное Объединение. 2019. № 7-2 (53). С. 138-140.
19. Алексеев А.Н., Еремкина Т.А. Баланс сил в АТР: противостояние США и КНР в регионе в XXI веке // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра. 2021. № 24. С. 24-27.
20. Голуб Ю.Г., Алексеев Д.С. Европейская безопасность в новых условиях взаимодействия России и Запада // Современная Европа. 2017. № 2 (74). С. 55-64.
21. Кравцев Е.В. Механизмы регулирования мировой ресурсной политики // Русская политология. 2017. № 3 (4). С. 32-35.
22. Потемкина О.Ю. Украинские беженцы в Евросоюзе: новый миграционный кризис? // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2022. № 2 (26). С. 7-15.
23. Решетникова М.С., Лукина Ю.Д. Политика Китая в борьбе за мировое лидерство в области искусственного интеллекта // Вопросы инновационной экономики. 2020. Т. 10. № 4. С. 1929-1942.
24. Шонин Н.Е. Оружие XXI века и международная безопасность // Правовое государство: теория и практика. 2017. № 3 (49). С. 158-166.
25. Синяева Н.А. Международно-правовые аспекты размещения космического оружия // Военное право. 2021. № 6 (70). С. 318-325.
26. Райков Ю.А. Космический меч Вашингтона: противостояние на орбите // США и Канада: экономика, политика, культура. 2021. Т. 51. № 1. С. 35-52.
27. Арбатов А.Г. Диалектика судного дня: гонка вооружений и их ограничения // Полис. Политические исследования. 2019. № 3. С. 27-48.
28. Беляков А.В. Обеспечение здравоохранения как глобальная проблема: международно-правовые аспекты // Современное право. 2014. №11. С. 143-149.

29. Спицын А.Г. Проблемы глобальной экологии в мировой политике XXI века // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2014. Вып. 23 (709). С. 174-185.
30. Кулькин А.М. Перспективы и риски развития технологий XXI века // Россия и современный мир. 2012. № 4 (77). С. 171-186.
31. Куркин Е.Б. Модель образования для сложного мира // Народное образование. 2019. № 4 (1475). С. 114-123.

References

1. Slavetsky V.Yu., Satpayev A.K., Bekeshev K.O. Globalization and sovereignty: some modern aspects // *Nauka i real'nost' = Science and reality*. 2021; 1 (5); 45-49. (In Russ.)
2. Bekbulatov D.R., Lutovinova N.V., Neznamova A.A., Kryukova E.M. Sovereignty of Russia: threats and challenges from global corporations // *Zakon i vlast' = Law and Power*. 2021; 1; 26-31. (In Russ.)
3. Prikhodko O.V. The changing balance of power in the world: the American-Chinese context // *SShA i Kanada: jekonomika, politika, kul'tura = USA and Canada: economics, politics, culture*. 2020; 50; 8; 30-51. (In Russ.)
4. Batyuk V.I. Balance of power between the USA and the Russian Federation // *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija = World economy and international relations*. 2020; 64; 8; 63-69. (In Russ.)
5. Alkhimenkov M.A. Strategy of the administration of J. Biden on the preservation of American global hegemony // *Problemy nacional'noj strategii = Problems of national strategy*. 2021; 3 (66); 25-41. (In Russ.)
6. Blokhin K.V. "The Crusade" of J. Biden against Russia. Reasons and prospects for the escalation of US-Russian relations // *Svobodnaja mys' = Free Thought*. 2021; 3 (1687); 85-94. (In Russ.)
7. Asatryan E. Interstate conflicts in the Central Asian region // *Rossija i musul'manskij mir = Russia and the Muslim world*. 2017; 7 (301); 26-30. (In Russ.)
8. Streltsov D. The Russian approach to territorial conflicts in East Asia // *Mezhdunarodnaja zhizn = International life*. 2017; 9. (In Russ.)
9. Raikov Yu.A. Territorial contradictions and security in East Asia // *Jugo-Vostochnaja Azija: aktual'nye problemy razvitija = South-East Asia: actual problems of development*. 2015; 28; 20-34. (In Russ.)
10. *The Quran*. Moscow, Publishing house "Nauka", 1986. 727 p. (In Russ.)
11. Yakovlev A.Yu. Modern conflicts in South Asia // *Social'no-jekonomicheskie nauki i gumanitarnye issledovanija = Socio-economic sciences and humanitarian studies*. 2016; 15; 167-171. (In Russ.)
12. Bajpai A. Dynamics of intra-state conflicts in South Asia // *Chelovek. Soobshhestvo. Upravlenie = Man. Community. Management*. 2014; 1; 6-17. (In Russ.)
13. Tuzhba E.N., Pchegatluk S.K. The right of peoples to self-determination (on the example of Abkhazia) // *Obshhestvo: politika, jekonomika, pravo = Society: politics, economics, law*. 2019; 8 (73); 17-21. (In Russ.)
14. Malygina I.V. Russia on the frontiers of history and the borders of civilizations // *Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik = Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 2014; 1; 1. 173-177. (In Russ.)
15. Alieva O.G. The policy of multiculturalism and the challenge of national identity // *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija: Filosofija = Bulletin of the Russian People's Friendship University. Series: Philosophy*. 2015; 2. 61-67. (In Russ.)
16. Kerimov A.D., Khalipova E.V. On state sovereignty and the coming world order // *Rossijskij zhurnal pravovyh issledovanij = Russian Journal of Legal Studies*. 2018; 5; 1 (14); 43-51. (In Russ.)
17. Melkonyan S.G. Dynamics of the borders of the Middle East region. Reformatting the borders of national states // *Nauchnye trudy Severo-Zapadnogo instituta upravlenija RANHiGS = Scientific works of the Northwestern Institute of Management of the RANEPa*. 2015; 6; 4 (21); 321-328. (In Russ.)
18. Balashov V.V. Key players of the South Pacific region in the 2010-2020s // *Evrazijskoe Nauchnoe Obединenie = Eurasian Scientific Association*. 2019; 7-2 (53); 138-140. (In Russ.)
19. Alekseev A.N., Eremkina T.A. Balance of forces in the Asia-Pacific region: the confrontation between the USA and China in the region in the XXI century // *Rossija i Kitaj: problemy strategicheskogo vzaimodejstvija: sbornik Vostochnogo centra = Russia and China: problems of strategic interaction: collection of the Eastern Center*. 2021; 24; 24-27. (In Russ.)

20. Golub Yu.G., Alekseev D.S. European security in the new conditions of interaction between Russia and the West // *Sovremennaja Evropa = Modern Europe*. 2017; 2 (74); 55-64. (In Russ.)
21. Kravtsev E.V. Mechanisms of regulation of world resource policy // *Russkaja politologija = Russian Political Science*. 2017; 3 (4); 32-35. (In Russ.)
22. Potemkina O.Y. Ukrainian refugees in the European Union: a new migration crisis? // *Nauchno-analiticheskij vestnik Instituta Evropy RAN = Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences*. 2022; 2 (26); 7-15. (In Russ.)
23. Reshetnikova M.S., Lukina Yu.D. China's policy in the struggle for world leadership in the field of artificial intelligence // *Voprosy innovacionnoj jekonomiki = Issues of innovative Economics*. 2020; 10; 4; 1929-1942. (In Russ.)
24. Shonin N.E. Weapons of the XXI century and international security // *Pravovoe gosudarstvo: teorija i praktika = The Rule of Law: theory and practice*. 2017; 3 (49); 158-166. (In Russ.)
25. Sinyaeva N.A. International legal aspects of the deployment of space weapons // *Voennoe pravo = Military law*. 2021; 6 (70); 318-325. (In Russ.)
26. Raikov Yu.A. Washington's cosmic sword: confrontation in orbit // *SShA i Kanada: jekonomika, politika, kul'tura = USA and Canada: economics, politics, culture*. 2021; 51; 1; 35-52. (In Russ.)
27. Arbatov A.G. The Doomsday dialectic: the arms race and their limitations // *Polis. Politicheskie issledovanija = Polis. Political studies*. 2019; 3; 27-48. (In Russ.)
28. Belyakov A.V. Healthcare provision as a global problem: international legal aspects // *Sovremennoe pravo = Modern law*. 2014; 11; 143-149. (In Russ.)
29. Spitsyn A.G. Problems of global ecology in world politics of the XXI century // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta = Bulletin of the Moscow State Linguistic University*. 2014; 23 (709); 174-185. (In Russ.)
30. Kulkin A.M. Prospects and risks of the development of technologies of the XXI century // *Rossija i sovremennij mir = Russia and the modern world*. 2012; 4 (77); 171-186. (In Russ.)
31. Kurkin E.B. Model of education for a complex world // *Narodnoe obrazovanie = National education*. 2019; 4 (1475); 114-123. (In Russ.)

Информация об авторе

А. А. Ковалев – канд. полит. наук, доц. кафедры государственного и муниципального управления СЗИУ РАНХиГС.

Information about the author

A. A. Kovalev – Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Public and Municipal Administration of North-West Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 31.07.2022; одобрена после рецензирования 22.08.2022; принята к публикации 23.08.2022.

The article was submitted 31.07.2022; approved after reviewing 22.08.2022; accepted for publication 23.08.2022.